

песнями, спиричуэлс, блюзами и регтаймами. В результате в Южных штатах США родилась новая музыка – джаз, которой предстояло за три последующих десятилетия завоевать мир.

1. Конен, В. Д. Блюзы и XX век / В. Д. Конен. – М. : Музыка, 1980 – 81 с.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ЗАПАДНОРУСИЗМА В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

А. И. Смолик,

*доктор культурологии, профессор,
заведующий кафедрой культурологии*

Белорусского государственного университета культуры и искусств

Во второй половине XIX в. в Беларуси, России и Украине сформировалось общественно-политическое течение западнорусизм, которое нашло широкое воплощение в произведениях представителей как русских, так и белорусских обществоведов. Идеи западнорусизма в своих трудах отображали И. Аксаков, П. Батюшков, И. Корнилов, М. Катков, К. Кауфман и др. С белорусской среды наиболее видными сторонниками названного течения были И. Божелко, К. Говорский, М. Коялович, Л. Солоневич, Л. Паевский, А. Пшелко. Идеи западнорусизма широко освещались в российских литературных изданиях: журнале «Крестьянин», газетах «День», «Московские новости», «Новое время», «Северо-Западная жизнь» [3, с. 417]. На территории Беларуси западнорусисты имели также свои периодические издания. Так, К. Говорский редактировал «Витебские губернские ведомости», он же был издателем «Вестника Юго-Западной и Западной России», редакция которого вначале находилась в Киеве, а потом обосновалась в Вильно. Часто труды представителей данного течения печатались в «Минском русском слове», еженедельнике «Белорусский вестник» и др. По существу западнорусизм был первой своеобразной культурологической концепцией, отрицавшей культурно-историческую самостоятельность белорусов как субъектов самостоятельной культуры.

В Украине западнорусы, объединившиеся около «Вестника Юго-Западной и Западной России», вели полемику с украинофильством, выросшим на русской культуре и с польской «хлопоманией». Наиболее полно эти идеи изложены в сочинении К. Говорского «История русского самосознания» (1884), где высказывается мысль о русском народе как «историческом вожде и хозяине всех восточно-славянских племен». Западнорусисты стояли на позициях идентификации белорусскости с православием, отрицательно ставились к многовековым культурным связям белорусского и польского народов. В центре дискуссий была проблема национального языка. Практически в каждом номере «Вестника» были публицистические статьи, в которых обосновывалась бесполезность введения украинского языка в школы, издания литературы на украинском языке. Особенно обострилась борьба против украинофильства после публикации украинской грамматики П. А. Кулиша. «Вестник» по этому поводу напечатал статью, в которой подчеркивалось, что «времена унии уже прошли и выделение языка, создание на нем ненужной литературы будет не только бесполезной попыткой, которая стремится к удовлетворению личных тенденций, а не потребностей народа» [6, с. 30]. Очень болезненно отреагировали западнорусы на статью Н. И. Костомарова, напечатанную в газете «Голос», в которой он доказывал необходимость введения родного языка в народные школы. В одном из выпусков журнала за 1863 г. во вступительной статье говорилось: «Быть может, некоторые тешат себя надеждой, что сформируется малорусский язык и богатейшая малорусская литература и заменит собой современный русский язык? Но чем это можно доказать? Здесь есть или безумие, или зложелание, ибо со всего выйдет облегчение для всякого хаоса» [1, с. 143]. Представители западнорусизма постоянно в своих публикациях проводили мысль, что белорусское и украинское национальное движение являются результатом польской пропаганды, что они вызваны и поддержаны чужими средствами в посторонних интересах. Во многом благодаря таким публикациям дискуссия, которая развернулась по вопросам о полезности использования диалектов в науке и литературе и в которой приняли участие известные филологи, историки и психологи того времени, была решительно остановлена. При

министре просвещения Валуеве в 1863 г. под полицейские репрессии подпали все школы, где преподавание велось не на русском языке, и в полицейских участках сжигались все не российские учебники. Некоторая часть представителей украинофильства (Конисский, Чубинский и др.) были осуждены на ссылку.

Расправившись с украинофильством, К. Говорский перебирается в Вильно и при непосредственной поддержке генерал-губернатора М. Муравьева начинает литературно-публицистическую деятельность. Здесь он издает журнал «Вестник Западной России», который с первой до последней книги начинался в Вильно тем же, что и в Киеве: ненавистью ко всему польскому, ничем несдерживаемым желанием уничтожить в крае польский элемент и польское влияние во всех проявлениях жизни и восхвалением местной власти и самой крайней руссификации. Помимо материалов, посвященных истории Беларуси и Украины, в «Вестнике Западной России» печатались романы, рассказы, басни и произведения других жанров. На страницах «Дня», редактором которого был И. Аксаков, на протяжении пяти лет (1861–1865) печатались многочисленные публицистические произведения М. Кояловича. Литературная деятельность западнорусского публициста высоко оценивалась российской литературной общественностью. Так, И. Аксаков в одном из своих писем М. Кояловичу сообщал, что его статья произвела большой эффект, все от нее в восторге и что редакция с нетерпением ждет дальнейших материалов. Чем впечатлила И. Аксакова и других представителей русской литературы публицистика М. Кояловича? Он и его сторонники считали этнические особенности белорусов итогом польско-католической экспансии и предлагали избавиться от них в целях восстановления «вечного русского характера края». Частично признавая определенную историко-культурную особенность Беларуси, М. Коялович однако исключал возможность ее национально-культурного и государственного возрождения в составе Польши. В предисловии к «Чтению» он утверждал, что «Беларусь с срединной Россией связывает сильная и живая связь. Туда ее непобедимо тянет и русская вера огромного большинства населения, и русский язык, и российская торговля, более важная для страны, чем торговля с западными

соседями. Историческая, народная тяга Западной России к Восточной выявлялась во многих случаях даже в годы, когда эта Западная Россия находилась под чужой властью».

На волне революции 1905–1907 гг. в Вильно была создана наиболее рафинированная и солидная группировка западноруссов, так называемый «Окраинный Союз», целью которого было усиление российской культуры, государственности и самобытности на западной «окраине России». Помимо представителей белорусской литературной общественности в него входили и некоторые представители литературного Петербурга. Этим обществом издавался еженедельный журнал «Окраины России». Верные традиции М. Кояловича, украинцы высоко держали знамя борьбы за единство славянской России путем борьбы с белорусским движением за национально-культурное возрождение. Нападение на белорусчину велось по линии наиболее опасной для западнорусизма – по линии белорусского языка. Так, редактор журнала «Окраины России» П. А. Кулаковский писал: «В последнее время заговорили об особенном белорусском языке. Выражение “белорусский язык” начало употребляться даже в некоторых официальных актах министерства народного образования. Но мы смеем утверждать, что этот белорусский язык существует только теоретически. Достаточно только ознакомиться с трудом нашего авторитетного ученого Е. Карского, чтобы стало понятным, существует только белорусский диалект (наречие), а не белорусский язык» [4]. Для белорусского языка, по мнению редактора журнала, нет фактического основания, белорусский диалект был лишь орудием литературы, которая ставила целью возмутить простой народ против православной церкви и россиян. Действительно, Е. Карский в некоторой степени разделял взгляды идеологов западнорусизма, рассматривая белорусское сообщество как ветвь русского народа, а западнорусское наречие как часть среднерусского языка. Ученый ошибочно утверждал, что целесообразность изучения белорусского языка не должна идти дальше начальной школы, среднее же и высшее образование, наука могут обеспечиваться через общерусский язык [2].

В таком же духе написаны статьи белорусского публициста И. Божелки. В нескольких номерах «Окраины России» он позитивно оценивает роль русского языка для развития бело-

русской культуры и отрицает возможность белорусского языка подняться до уровня русского. «Самое важное значение для нас русского языка, – утверждал И. Божелко, – заключается в том, что он служит для нас, белорусов, звеном единства со всем российским народом. Чем меньше русский язык будет иметь диалектов, тем лучше для этого единства, а значит, и для силы русского народа» [5, с. 418]. Таким образом, Беларусь в западнорусской концепции была, как мы видим, всегда только частью единой неделимой России, а белорусский язык – органической областью великого русского языка.

Своеобразные подходы у западнорусов были к проблеме существования белорусской культуры. М. Коялович, А. Сапунов, А. Семантовский и др. не отрицали наличия у белорусов богатого культурного наследия. Напротив, они при всяком удобном случае утверждали, что такая культура есть. Вместе с тем они стремились доказать, что она не может быть самостоятельной, как всякая другая национальная культура, что она должна вливаться в общероссийскую культуру. Для своей культурной самостоятельности Беларусь, по их мнению, была очень слабой, она в истории растратила свои силы, она очень близко стоит к России, чтобы выработать нечто независимое от нее. Похожая ретроспективность западнорусизма проходила красной нитью практически через все литературные произведения большинства представителей этого течения. В 1911 г. в Петербурге возникает «Западно-Русское общество», членами которого являлись свыше 300 человек. Помимо белорусов и русских в него входили также представители южнорусского (украинского) крыла западнорусизма. В отличие от предшествующих эпох рассматриваемое общество концентрирует свое внимание не на борьбе против полонизма и латинства, а на сопротивлении «белорусианству и украинскому мозепианству». Правда, долго бороться с национально-освободительным движением западнорусизму не пришлось. Империалистическая война, а за ней Февральская и Октябрьская революции предоставили народам бывшей Российской империи возможность создавать суверенные государства и строить свою национальную культуру на родных языках.

Следует отметить, что взгляды представителей западнорусизма на белорусский язык и культуру белорусов встречали

резкую критику со стороны ряда прогрессивных ученых. Так, этнограф Е. Романов литературные произведения западноруса А. Пщелки называл карикатурой на белорусский народ. Очень основательный критический анализ произведений теоретиков западнорусизма сделал А. А. Цвикевич в монографии «Западнорусизм»: Очерки из истории общественной мысли на Беларуси в XIX и начале XX в.». Автор исследовал все этапы этого общественно-политического течения. Возникновение западнорусизма на белорусских землях он связывает с расколом в униатской церкви 1720 г. после Замойского собора [6, с. 8], что позволяет говорить о тенденции к формированию западнорусизма на неофициальном уровне в информационном пространстве России еще в XVIII в., о наличии на микроуровне информационной системы Российского пространства диссипативных процессов и аттракторов для возникновения будущих социокультурных структур в рамках православной и униатской церкви. А. И. Цвикевич выделял два класса белорусской интеллигенции середины XIX в.: крупнопомещичья «белорусская интеллигенция польской культуры» и мелкобуржуазная и средняя «краевая православная белорусская интеллигенция». Последняя социальная группа представляла «западнорусскую школу»: «мелкие чиновники, учителя сельских и городских школ и гимназий, мелкая местная администрация, начиная от волосного писаря и заканчивая посредником и делопроизводителем, православное духовенство, мещане» [6, с. 89–90]. Именно они составляли собственно белорусскую новую разнородную интеллигенцию XIX в. На основании глубокого изучения разнообразной литературы, вышедшей из-под пера идеологов западнорусизма, А. Цвикевич приходит к мысли, что западнорусизм сформировал вокруг себя значительное количество сторонников, среди которых были известные ученые, литераторы, журналисты. Данное течение выработало свою собственную идеологию и в этом смысле противопоставляло себя национально-белорусскому движению. Ученый подчеркивает, что несмотря на то, что западнорусизм за свою почти столетнюю историю пережил много оттенков и изменений, однако всегда его доминантной идеей было «служение идеалу единой России и соответствующим русификаторским тенденциям в отношении к Беларуси» [6, с. 7].

Таким образом, в культурном пространстве Беларуси в XIX – начале XX в. существовали два самых мощных информационных потока, отражавших политические и государственные интересы России и белорусского народа. На официальном уровне через западнорусизм проводилась русификация, распространялась «теория официальной народности» и идея славянского единства, возрождалось православие, во всех сферах жизни людей создавались условия для единства информационно-коммуникативной системы России и на основе русификации. На неофициальном уровне зарождалось и укреплялось демократическое национально-освободительное движение, распространялись идеи суверенитета Беларуси, возрождения государственности и культуры. В литературном пространстве края было ярко выражено это масштабное политическое и социокультурное противостояние, которое нашло отражение в научных трудах, на страницах тогдашних средств массовой информации.

Идеи западнорусизма были восприняты в начале XX в. отдельными представителями социал-демократических организаций Беларуси. Так, В. Кнорин и его сторонники утверждали, что белорусы не являются нацией, а имеющиеся этнографические особенности не отделяют их от русского народа, а в будущем эти отличия должны быть изжиты. Исходя из этого в 1917–1920 гг. большевиками игнорировался «белорусский вопрос», государственное самоопределение подменялось областной автономией. Они всячески препятствовали белорусскому национально-освободительному движению. Правда, с укреплением белорусской государственности, образованием БССР система взглядов и политической практики западнорусизма постепенно потеряла свою легитимность. Тем не менее, идеи данной концепции, претерпев определенную модификацию, на наш взгляд, остаются в сознании определенной части современного белорусского и российского обществ.

1. Вестник Юго-Западной и Западной России. – 1863. – Кн. XII. – Отд. III. – С. 143.

2. Карский, Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Варшава : Тип. Варшав. учеб. округа, 1903 ; «Беларускі кнігазбор», 2001. – Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. – 466 с.

3. Каўка, А. Заходнерусізм / А. Каўка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / Беларус. Энцыкл. ; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.] ; маст. Э. Э. Жакевіч. – Мінск : БелЭн, 1996. – Т. 3. Гімназіі – Кадэцыя. – С. 417–418.

4. Окраины России. – 1907. – Т. 2. – № 20.

5. Окраины России. – 1908. – Т. 3. – С. 428.

6. Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч ; пасляслоўе А. Ліса. – 2-е выд. – Мінск : Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

О. М. Стрельский,

*гранд-доктор философии, профессор, академик
Международной академии информационных технологий*

Насыщенный глобальной событийностью период формирования информационного общества требует системного пересмотра сложившихся стереотипов восприятия реальности. Информационное общество, в котором приоритетным трудом является производство, сохранение, преобразование и реализация информации и ее высшей формы – знаний, переживает этап создания и развития технологий, позволяющих управлять основными видами ресурсов: информационными ресурсами и ресурсами времени [7].

Показателем эффективности такого управления является уровень развития в рассматриваемом обществе его информационной культуры, которая обеспечивает человеку и обществу в целом возможность поиска оптимальных форм внутрисистемного и внесистемного информационного взаимодействия.

Информационная культура может быть обозначена как зона пересечения двух сфер – информации и культуры, где наиболее проявлены их общие свойства: глобальность, универсальность и многогранность. Все культурные процессы в социальных системах реализуются через информационные и наоборот. Для культуры, как и информации, характерна знаковость, текстуальность и смыслонасыщенность. Различия между культурой и информацией обнаруживаются на уровне способов ос-